

Но кто из вас выступил вперёд, когда ван Пинсянь поднял мятеж? Кто защищал императора? Кто заранее доложил мне истинное положение дел? У вас нет права судить мои поступки! Я — государь этой страны, и пусть я буду тираном или правителем-смутьяном, вам не дано права голоса! Раз вы — мои придворные чиновники, так будьте любезны честно выполнять свои обязанности. Если впредь подобное давление на трон повторится, я не ограничусь казнью нескольких взбунтовавшихся сановников! Пока жив я, император, пусть хоть все министры при дворе сменяются, эта земля всё равно останется моей! Запомните это как следует! Церемониймейстер!

Сыту Гунхун взмахнул рукой, и заранее подготовленный церемониймейстер поднялся на помог, прочистил горло и развернул императорский указ. А Сыту Гунхун сделал шаг назад и с лёгкой улыбкой на лице остановился рядом с Юэ Иньяном, глядя на своего супруга-генерала, явно недовольного его выходкой с запугиванием сановников.

По воле Небес император возвещает: ныне мятежный ван затеял смуту, сердца чиновников охвачены сомнениями, народ объят страхом — поистине это великое несчастье для Династии Да Шэн. Однако Его Величество мудр и отважен, а преданность Хранителя государства очевидна каждому; бедствия государственные и народные были пресечены еще в зародыше. Хоть это и повод для радости, относиться к случившемуся спустя рукава нельзя... Посему решено изменить девиз правления на Ли Чжи («Строгое управление»), а каждый год в этот день праздновать Национальный день. Надеюсь, что впредь государь и подданные будут трудиться во имя общей цели, дабы обеспечить Династии Да Шэн долгое процветание и мир... В ознаменование смены девиза правления объявляется всеобщая амнистия, возобновляются императорские экзамены для отбора мудрых талантов, даруется широкая благодать, дабы страна процветала и крепла... Исполняйте!

С этого момента Сыту Гунхун наконец сосредоточил в своих руках всю реальную власть при дворе. Впоследствии, воспользовавшись возобновлением экзаменов, он набрал множество талантливых мужей и широко привечал советников. При поддержке Юэ Иняна и других сановников он в конце концов сотворил великое правление, которое будущие историки назовут «Золотым веком Ли Чжи»!

Потомки и вовсе превозносили Сыту Гунхун как просвещенного основателя Династии Да Шэн, настоящего гения государственного управления в истории. И хотя многие потомки высказывали сомнения, полагая, что его брак с генералом этой страны был лишь средством укрепления императорской власти или же следствием тех или иных мер, которыми верховный главнокомандующий удерживал в повиновении слабовольного императора, первый в истории император, заключивший однополый брак, действительно до конца дней шел рука об руку со ж тем самым легендарным верховным главнокомандующим, что славился несметными силами в подчинении, безжалостностью и славой воплощенного демона, и они состарились вместе... Оставив грядущим поколениям череду неразгаданных императорских легенд. Впрочем, всё это дела давно минувших дней.

Сыту Гунхун с улыбкой смотрел на сановников, чьи лица успели смениться с красных на бледные, а с бледных — на зелёные, сменив за мгновение несчётное количество оттенков. Выражение лица самого императора иначе как ликующим назвать было нельзя. Он тут же велел церемониймейстеру временно удалиться, снова сделал шаг вперёд и лучезарно улыбнулся толпе министров, уже перенёсших слишком много потрясений:

— В такой радостный день чего это вы все нос повесили? Неужто скорбите по тому вану Пинсяню? А ну улыбнитесь мне!

Говорят, после этого все чиновники на площади судорожно задвигали своими непослушными лицами, и каждый скорчил такую гримасу, что Сыту Гунхун еще долго мог вспоминать её вместе с Юэ Иняном, ни капли не уставая от смеха...

Также говорят, что хотя из-за недавно пережитой небольшой битвы с мятежниками большинство сановников еще не до конца пришли в себя, разительный и звонкий смех императора Династии Да Шэн тогда разнёсся далеко под ясным небом первого Национального дня над Вэйчэном.

Конец главы

Экстра о сожалениях Мо Яня: Лишь бы сердце твоё было подобно моему

Годы уединения в горах легче всего заставляют человека забыть, какой нынче год на земле.

В мгновение ока пролетело пять лет. Обильно усеянный трупами Тунтяньлин и обращенный в пепел Шуэйтяньцзю уже потонули в череде сменяющих друг друга дел мира Улинь.

О тех давних трагических событиях, пожалуй, мало кто помнит. Слухи рождаются ежедневно, и кто теперь, кроме самих участников, вспомнит о былом? Сама истина в устах людей становится всё более расплывчатой, а домыслы посторонних лишь придают легенде пугающую таинственность.

Что же в конце концов произошло на Тунтяньлине?

Те, кто помнит, никогда не заговорят, а те, кто говорит, не знают правды — это единственное, в чём можно быть уверенным. Шэньсяньлоу и Шуэйтяньцзю один за другим были уничтожены. Вот уже пять лет в Улинь больше не слышно об еретиках, Мо Янь и Цюэ Ухуэй тоже давно пропали из виду, а остальные замешанные в тех событиях люди исчезли бесследно. Кроме слухов, в мире Улинь не осталось ни малейшей весточки.

Мо Янь не умер, и Цюэ Ухуэй не умер. Просто эти двое отрунули всё и ушли в уединение, взявшись за руки.

Как говорится, у детей и внуков своя судьба. Эти двое стариков потратили большую часть жизни, так что и они заслужили право обрести собственное счастье. У ученика свой путь, у приемного сына — своя дорога. Жизнь принадлежит им, и как её прожить, решать им самим. Им нет до этого дела, не говоря уже о мире Улинь, который им никогда и не был близок. Теперь же они хотели лишь жить своей собственной жизнью.

Последовав за Цюэ Ухуэем в те горные леса, где тот вырос, они нашли место, куда редко ступала нога человека, и это подарило им долгожданный уголок тишины.

Возделывание земли и пахота борозды могли показаться кому-то скучными, но для людей, посвятивших большую часть жизни кровавым схваткам, это было поистине редкое, безмятежное спокойствие. Никакие сокровища, золото, слава или власть не шли ни в какое сравнение с драгоценностью этих простых дней.

Пять лет назад они с Мо Янем вернулись в давно покинутый дом. Цюэ Ухуэй ушел оттуда сразу после смерти Дугу Цюбада, а вернувшись спустя пятнадцать лет, он испытал немало душевного трепета. Человек рядом с ним был главным сокровищем всей его жизни, и пусть на это ушли годы, в конце концов его совесть была чиста!

— Пришли.

Остановившись, Цюэ Ухуэй глянул на горную вершину взглядом, полным бесконечной тоски.

Глядя на пустующую макушку горы, Мо Янь слегка изогнул губы:

— И впрямь тихо здесь.

— На сто ли вокруг ни души. Кроме меня да старшего брата, остались только звери да птицы — даже поссориться не с кем.

— Вы с твоим старшим братом всё время жили здесь?

— Мм. Я спустился с гор только после его смерти, а вскоре встретил тебя.

Он отвязал висевший на поясе меч и небрежно бросил его на землю. Вторая жизнь мечника, с которой тот не расстанется ни на миг, здесь превратилась в бесполезный кусок железа.

Мо Янь неторопливо зашагал вперед и вдруг направился прямо к вершине горы, словно следуя какому-то зову. Цюэ Ухуэй последовал за ним, ступая туда, где они со старшим братом прежде проводили долгие часы в тишине.

Дул холодный ветер, полы одежды трепетали. Чем выше они поднимались, тем сильнее становился порыв. После того как Мо Янь пожертвовал основную часть своей внутренней силы ради исцеления ученика Линь Юня, его уровень культивации изрядно упал. Кулачным боем он еще мог себя защитить, но прежнее непревзойденное мастерство кануло в лету. Заметив, что ветер усиливается, Цюэ Ухуэй быстрым шагом приблизился к нему и заслонил собой.

— Боишься, что меня сдует?

Бросив на него косой взгляд, Мо Янь усмехнулся.

— Не шути так, здесь ветрено и опасно!

Цюэ Ухуэй никогда не винил его за то, что тот пожертвовал своей основой ради спасения Линь Юня. Поступи на его месте его приемный сын Шангуань Юйшо, он поступил бы точно так же. Он лишь злился, что Мо Янь совсем не бережет свое ослабленное тело.

Мо Янь угадал его мысли, улыбка тронула его губы, и он сам взял Цюэ Ухуэя за руку, передавая тепло широкой ладони:

— Я буду осторожен. К тому же ты со мной — Яньвалю не так-то просто меня забрать.

Лукаво подмигнув, он заставил Цюэ Ухуэя лишь беспомощно вздохнуть. Пятнадцать лет назад он ничего не мог поделать с Лу Сыфанем, пятнадцать лет спустя он всё так же был бессилен перед этим Мо Янем. Судьбой было предначертано, что этот негодяй возьмет над ним верх.

— Пойдём!

Крепко сжав руку Мо Яня, Цюэ Ухуэй набросил на него плащ, укутывая со всех сторон, и они не спеша зашагали к самой высшей точке.

Они уселись на самой макушке горы. Глядя друг другу в глаза, а затем на раскинувшийся внизу просторный пейзаж, Цюэ Ухуэй оставался прежним Цюэ Ухуэем, но Дугу Цюбада больше не было, и Мо Янь занял его место.

— Мой старший брат любил сживать здесь. Иногда я составлял ему компанию, иные дни мы проводили в молчании с утра до вечера, ничего особенного не делая: я смотрел на горы внизу, а брат мой — невесть куда.

Мо Янь молча слушал. На что же на самом деле смотрел сидевший здесь Дугу Цюбад?

— Садись. Столько лет не возвращался, и хотя, уходя с горы, я и не думал, что снова окажусь здесь, всё же вернулся.

Цюэ Ухуэй усадил Мо Яня рядом. Та же поза, те же места, но другие люди — одинаковым ли было то, что они видели перед собой, или разным?

Прильнув к плечу Цюэ Ухуэя, Мо Янь вдруг почувствовал, как защипало в глазах. С самого прихода сюда он вспоминал письмо, оставленное ему наставником.

— Твой старший брат... упоминал моего наставника?

— Нет. Никогда. Лишь перед уходом он велел мне: если кто спросит о Лу Сюньяне, отвечай, что тот мертв.

Помолчав, он освежил в памяти воспоминания — давние, но чёткие:

— Позже твой наставник спросил меня об этом, и я ответил так, как было велено. А твой наставник упоминал моего старшего брата?

— Никогда. Наставник всегда казался отстраненным от мирской суеты, и я понятия не имел, что в глубине души он прятал твоего старшего брата.

В памяти о Лу Чжэсяне всегда было трудно разглядеть его истинные чувства. Изредка, оставаясь в одиночестве, он являл миру выражение легкой томочки, но это мимолетное уныние тут же скрывалось за дежурной улыбкой.

— Мой старший брат был таким глупцом — до самой смерти носил всю боль и скорбь в сердце.

— И мой наставник умом не блистал. Они наверняка вечно думали друг о друге, но сердца их так и не соединились, оставив им на склоне лет лишь одни сожаления.

Цюэ Ухуэй накрыл руку Мо Яня своей, переплетя их пальцы:

— К счастью, я не отступился, иначе на свете стало бы на одну несчастную пару больше, верно?

Мо Янь одарил его презрительным взглядом. С каких это пор Цюэ Ухуэй стал таким сентиментальным!

— А ведь ты теперь нищий!

— Я всегда был нищим. Кроме старшего брата, кроме тебя да тех двоих мальчишек, у меня ничего не было.

— Трон лидера Улинь, золото и серебро, роскошные одежды — всё, чего ты добивался пятнадцать лет своим трудом, теперь пошло прахом.

— Все эти вещи никогда не привлекали моего взора. Если бы ради того, чтобы быть с тобой, пришлось отказаться от всего этого, я бы выбросил всё без малейшего колебания! Это и мизинца твоего не стоит!

Чем дальше, тем слашавее звучали речи. Хотя всё это шло из глубины души Цюэ Ухуэя, вслух это звучало по меньшей мере тошнотворно. Белоснежные щеки Мо Яня густо покраснели:

— Всё, хватит болтать!

— Смутился? Ха-ха-ха-ха...

Раскатистый, безудержный смех эхом раскатился по горам. Самодовольный вид Цюэ Ухуэя в сочетании с беспомощным выражением лица Мо Яня складывались в крайне забавную картину.

С тех пор они поселились на этой вершине, приведя в порядок и заново отстроив старый дом. Прежде это было жилище Дугу Цюбада и Цюэ Ухуэя, а теперь — уединённое пристанище Мо Яня и Цюэ Ухуэя.

Прошло еще пять лет. За всё это время, не считая нескольких голубиных посланий с вопросами о здоровье, они полностью порвали связь с внешним миром. Кроме друг друга, битвы и кровопролития их больше не волновали.

В один из дней голубиная почта доставила весточку.

Цюэ Ухуэй как раз покончил с охалкой дров, когда голубь опустился на его крепкую руку. Развязав записку с лапки птицы, он направился к водопаду, читая на ходу.

Мо Янь предавался медитации под струями водопада. Ради спасения жизни Линь Юня он израсходовал большую часть своей внутренней силы, однако за эти пять лет не пренебрегал тренировками, начиная с самых основ. И хотя до прежней мощи было далеко, он уже накопил кое-какие крупницы энергии, достаточные для самозащиты и отражения врагов.

— Мо Янь!

Цюэ Ухуэй был по пояс голым, его медовую грудь покрывали капли пот, сверкавшие на солнце и излучавшие дикую, необузданную привлекательность. К сожалению, в этой глуши некому было любоваться этим зрелищем, а единственный человек, способный оценить картину по достоинству, сидел с закрытыми глазами в медитации.

Его глубокий голос пробился сквозь водяную завесу, достигнув слуха Мо Яня. Тот пустил ци по круговому циклу меридианов, сделал несколько вдохов и выдохов, завершил практику, открыл глаза и поднялся навстречу мужчине на берегу.

— Что такое?

Пройдя сквозь водяную завесу, он остановился перед Цюэ Ухуэем. На нем была лишь нижняя одежда, которая насквозь промокла в воде и теперь туго обтягивала тело, полностью обнажая его изгибы и не оставляя места воображению.

— Линь Юнь прислал письмо. Зовет нас спуститься с гор пообщаться.

Приняв записку, Мо Янь углубился в чтение. Свободный от дел Цюэ Ухуэй, разумеется, не упустил случая вволю насладиться открывающейся перед ним живописной картиной.

Хотя они с Мо Янем уже познали всю близость плоти, каждый раз глядя на него, Цюэ Ухуэю казалось, что он видит перед собой совершенно иного человека.

— Опять выборы лидера Улинь. Ни к чему хорошему геройские сборища еще не приводили.

Опустив записку и заметив взгляд Цюэ Ухуэя, Мо Янь не знал, смеяться ему или злиться:

— Ты нагладелся уже?

Тот небрежно швырнул послание прямо в лицо мужчине, ступил на берег и зашагал обратно.

— Это потому, что ты такой красивый, я и смотрю. Другим бы и не посчастливилось такое увидеть.

— Хватит тебе, пошли назад!

— Когда спускаемся? — догоняя Мо Яня, на ходу спросил Цюэ Ухуэй.

— Кто сказал, что я собираюсь идти?

— Брось, ты непременно пойдешь.

— Я не собираюсь. Каждый раз на съезде героев случаются неприятности, я не хочу ввязываться в эту мутную воду.

Мо Янь активировал внутреннюю энергию, и его легкое одеяние постепенно высохло, развиваясь на ветру так легко, будто он был небожителем.

Цюэ Ухуэй, шагавший рядом, хоть и был облачен в одежды простолюдина, источал мощную, властную ауру истинного правителя — ее никак нельзя было скрыть.

— Ты ведь тоже давно не видел ученика. Всё равно мир Улинь нам больше не чужд — спускаемся ради ребят, а на то, как пройдет съезд героев, тебе наплевать, всё равно заботиться об этом не нам.

— Тц! — Мо Янь цыкнул языком и скептически покачал головой. — Не я ищу неприятностей, это неприятности находят меня. Как по-твоему?

— Ты прав, только... если не пойдём, тех ребят мы так и не увидим.

Изящно изогнутые брови сошлись на переносице, на лице отразилось сомнение. Мо Янь разрывался в душе: дело было не в том, что он не хотел видеть этих детей, просто ему не хотелось снова ввязываться в смуту. Труднодостижимое спокойствие он боялся потерять в одно мгновение.

— Дай мне подумать, поговорим через пару дней!

Взвесив всё за и против, он выдал именно такой ответ.

Цюэ Ухуэй молча ухмыльнулся: в этих словах уже крылся утвердительный ответ. Мо Янь непременно спустится с гор, в этом он был уверен на все сто процентов.

— Угу.

Но вслух он произнес лишь это «угу». О некоторых вещах лучше не говорить вслух, иначе можно разозлить Мо Яня и лишиться всех преимуществ!

За два дня до созыва съезда героев Цюэ Ухуэй и Мо Янь прибыли в поместье Фэнсянь.

Оба были одеты в простые серые халаты, головы покрывали вуали. Шагая среди толпы, они выглядели точно так же, как и остальные участники грандиозного события.

<http://bllate.org/book/21159/2144497>